

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ НАД СЕМАНТИЧЕСКИМ МОДУЛЕМ КОМПЛЕКСНОГО РУССКО-БОЛГАРСКОГО СЛОВАРЯ*

*Дорогому Ю.Н. Караулову, моему учителю,
с благодарностью и любовью*

А. Липовска

Настоящий период развития словарного дела характеризуется весьма бурным ростом. Это и усовершенствование словарей классического образца, и появление новых форм хранения, обработки, представления словарной информации, и новые типы словарей, и появление таких работ, о которых можно думать как о новом жанре – словаре для лингвистов. Настоящему поколению лексикографов посчастливилось работать именно в этот интересный период – на рубеже того, что уже выдержало проверку времени и экзамен перед обществом, и того, чему еще предстоит это испытание.

Далее будет сделана попытка представить этот условный рубеж на примере опыта решения конкретных проблем в двух словарях: в одном, уже сделанном, и в другом – делаемом, работа над которым еще только ведется.

I

В прошлом году в Болгарии вышел в свет «Новый русско-болгарский словарь» (НРБС) [Влахов 2004]. В ходе совместной работы над этим словарем с С. Влаховым – крупнейшим болгарским лексикографом, дуайеном русско-болгарской лексикографии – я столкнулась с множеством проблем разного плана: теоретического, практического, технического. Некоторые из них нашли свое решение, но для многих других это оказалось невозможным. Концепция словаря, его характер, принципы построения, объем не позволили продемонстрировать в нем все то, что было замечено и что хотелось отметить.

---

* Опубликовано в: Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию члена корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. Москва: РУДН, 2006. С. 330–341.

Далее будут представлены основные моменты нового и специфического в этом словаре, что впоследствии предоставит возможность развить тезис о двуязычном словаре другого, отличного от этого словаря, типа.

НРБС содержит около 3 000 новых слов, новых значений, новых употреблений, актуализированных значений, новых устойчивых сочетаний.

В НРБС больше внимания, по сравнению с предшествующими русско-болгарскими словарями, уделяется глаголу, особенно некоторым группам глаголов (например, глаголам движения), вызывающим трудности для носителей болгарского языка. Более подробное представление получают структурные слова, неоправданно пренебрегаемые до сих пор в словарях. Разработка фразеологии занимает весьма солидное место в структуре словарной статьи. Свое место находят и разнообразные традиционные и новые способы адекватного представления реалий. НРБС предлагает набор способов отражения свободной сочетаемости, иллюстрирующей отдельные значения и, что не менее важно, дающей инофону богатую информацию об употреблении заглавного слова.

В распоряжение пользователей НРБС дается несколько приложений. Приложение, в котором представлены наименования географических объектов, насчитывает свыше 2 500 наименований в традиционно установленных формах в русском и болгарском языках. Это приложение так же, как и основной словник словаря, содержит новые и актуализированные старые названия. Наряду с ними даются бывшие в употреблении до недавнего времени наименования, а в некоторых случаях и краткая историческая справка.

Приложения, содержащие русские личные имена и отчества, а также русские фамильные имена, являются тем необходимым справочником, который обеспечивает информацию о соответствующей принятой в болгарском языке транскрипции. В приложениях даются производные от полных личных имен, производные отчества; предупредительной пометой отмечаются те случаи, когда из-за формальной близости русских и болгарских имен могут допускаться нежелательные ошибки.

Что можно определить как специфическое в НРБС?

Каждую страницу этого словаря пользователь видит разделенной на две части горизонтальной чертой. Именно таким образом – в двух частях, которые условно называем «над чертой» и «под чертой», – представлен весь материал в корпусе словаря.

«Над чертой» даются словарные статьи, которые в той или иной степени являются традиционными для данного жанра структурными единицами.

Что касается словарных статей «под чертой», то о них кто-то может сказать, что это даже не словарные статьи. Но мы утверждаем, что это словарные статьи, только они другого типа.

Почему воспринят такой нетрадиционный подход в оформлении?

Русский и болгарский – языки близкородственные, и по ряду причин с лексикографической точки зрения они нуждаются в специализированном дифференцировании информации. Мы считаем, что воспринятый в словаре прием предлагает такую возможность.

В части «под чертой» списком представлены русские словарные единицы, которые понятны без перевода среднеобразованному носителю болгарского языка, так как высокая степень сходства их формы с формой соответствующих болгарских слов наводит пользователя на мысль о сходстве и даже тождестве в значении. В некоторых местах – там, где это нужно, – приводится дополнительная информация:

предчувстви/е, -я

предыстори/я, -и

препарат, -а (химически; *апт.* лекарственных)

приватизир/овать, -ую, -уешь, св/нсв (книж.)

Этот способ представления информации, с одной стороны, может вызвать у пользователя положительное отношение: *Прекрасно! Тут нужно следить только за некоторыми различиями в плане выражения*; с другой стороны, может вызвать отрицательное отношение: *Это подводит! Уменьшается степень бдительности пользователя!* На возражения такого рода в словаре дается ответ:

бул/ка, -и, мн. -ки, -ок, м. Бяло хлебче (*обикн.* кръгло или овално; *срв.* батон, буханка); симид, кифла; НЕ булка, *срв.* невеста // *умал.* булоч/ка, -ки, мн. -ки, -ек; *прил.* булочный (вж.)

В словарные статьи включается предупреждающее «НЕ», за которым следует одинаково звучащее болгарское слово и ссыла на русское слово – его соответствие.

Эта проблема и ее конкретное решение в макроструктуре НРБС обнаруживает непосредственную связь с дальнейшим изложением, переходящим к комплексному русско-болгарскому словарю и некоторым аспектам работы над его семантическим модулем.

II

Идея создания русско-болгарского словаря нового типа, словаря нового поколения, раскрывает перед нами не использованные ранее возможности «ословаривания» [Караулов 1981: 38] результатов сопоставительного анализа русского и болгарского языков.

Идея сложилась под влиянием проблем, возникших в процессе работы над НРБС – русско-болгарским словарем классического образца, с одной стороны, а с другой – она была вызвана трудностями при компьютерной обработке данных сопоставительной русско-болгарской картотеки, составленной на кафедре русского языка Софийского университета¹.

Концепция словаря опирается, прежде всего, на достижения в области современной теории и практики одноязычной русской лексикографии: идея Ю.Н. Караулова [Караулов 1981] о лексикографической параметризации в словарях разного типа, находящая выражение в однопараметровых, дву-, три- и многопараметровых словарях и ведущая к идее создания универсального словаря; идея интегрального описания языка, разработанная Ю.Д. Апресяном [Апресян 1995] и реализуемая в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [Апресян 2004]; идея создания толково-комбинаторных словарей активного типа, осуществленная в словаре И.А. Мельчука и А. Жолковского [Мельчук, Жолковский 1984].

---

¹ См. об этом: Сопоставительное описание русской и болгарской лексики (материалы по формальному аспекту) [СОРБЛ 1984]; Сопоставительное описание русской и болгарской лексики (материалы по содержательному аспекту) [СОРБЛ 1985]; Лингвометодическое описание русской лексики и грамматики в свете болгарского языка [Червенкова 1995].

Концепция словаря опирается также на идеи и реализацию классической и современной теории и практики двуязычной лексикографии: идеи Л.В. Щербы [Щерба 1958] о системе словарей для одной пары языков, о сочетании толкового словаря с переводным, о словарях пассивного и активного типа; идеи о двуязычном словаре, построенном на результатах попарного сопоставительного анализа лексических единиц двух языков [Сятковский 1976] и [Червенкова 2011], идеи о комплексном русско-болгарском словаре [Влахов 1990].

Определенное место в структурировании идеи о новом словаре занимают и достижения в области учебной лексикографии, в частности принцип антропоцентричности; в области ассоциативной (одно- и двуязычной) лексикографии; в области концептуального анализа, а также лексикографического представления невербальных компонентов коммуникации и некоторые др. Особую роль в этом отношении сыграли работы А. Вежбицкой, В.В. Морковкина, Ю.Н. Караулова, Г.Е. Крейдлина.

Возникновение такой идеи словаря, о котором здесь идет речь, находится в тесной связи с открывающимися перед лексикографией техническими возможностями, благодаря достижениям в области информационных технологий. Таковы, например: возможность создания словаря, не ограниченного в объеме рамками книги (это осуществимо благодаря объему машинной памяти); возможность сосуществования в компьютерном словаре знаков разной природы – графических, звуковых, визуальных... (такая гетерогенность словарной информации многократно повышает качество ее восприятия пользователями словаря); возможность «путешествия» по словарю в соответствии с целями и конкретными потребностями пользователя словаря (это осуществимо, потому что архитектура компьютерного словаря предоставляет нелинейный доступ к данным, который может быть осуществлен в заданном порядке на основе разных способов упорядочивания информации); возможность беспрепятственного изменения и усовершенствования словарных данных (при этом характерные для лексической системы подвижность и изменчивость словарного состава не смогут быть помехой в актуализации словарной информации); возможность существования в единой сети сло-

варя относительно самостоятельных модулей, скрепленных связями, подчиняющимися определенной логике (модульность словаря и его сетевая организация позволяют пользователю работать в различном режиме и самому задавать параметры глубины и широты искомой информации).

Следует особо оговорить, что такой словарь не рассматривается как словарь, работающий в рамках систем автоматической обработки текстов, или как словарь, использующийся в машинном переводе. Речь идет о словаре, в котором, благодаря иной, отличной от книжной, форме представления информации – компьютерной, ее организация, ее структурирование осуществляется на иных принципах, нежели в словаре-книге. Комплексный словарь является лексикографической фиксацией материала, полученного в результате сопоставительного анализа современной русской и болгарской лексики, осуществляемого коллективом лексикографов ручным способом. В то же самое время необходимо подчеркнуть, что это не простой перенос результатов сопоставительного анализа и их представление в компьютерном варианте. В словаре делается попытка решить некоторые проблемы в области двуязычной лексикографии путем особого типа организации словарной информации, которая предоставляет отличные от существующих в словаре-книге возможности.

Представляя основные моменты в макроструктуре словаря, не будем останавливаться на проблемах словника, на его объеме, составе, характере, а перейдем к основной особенности – к сети модулей. Вся информация в словаре распределяется между отдельными модулями, в которых представлены различные аспекты сопоставительного анализа. Обособляются такие модули, как: орфографический, орфоэпический, грамматический, словообразовательный, семантический, парадигматический, синтагматический, прагматический, этимологический, лингвокультурологический, паралингвистический, фразеологический, паремиологический, аудиовизуальный, библиографический, лексикографический, терминологический, лингвометодический, словарь пользователя, ... (список открытый).

Структурированный таким образом словарь может давать комплексную информацию о соотношениях в русско-болгарских лекси-

ческих парах, о «жизни» русских и болгарских лексических единиц в соответствующих лингвосоциумах.

Если говорить о микроструктуре словаря, то необходимо отметить, что вход в то, что в этом словаре соответствует словарной статье словаря-книги, осуществляется через сводную модульную сетку, отражающую наличие или отсутствие информации о данной русско-болгарской лексической паре в отдельных модулях словаря. На экране компьютера представлены все имеющиеся в словаре модули. При этом некоторые из них отмечены как содержащие информацию, а другие как не содержащие информации о данной паре. Пользователь словаря по своему выбору, зависящему от его конкретных целей, может активировать информацию отдельных модулей, относящуюся к данной паре. Таким образом, пользователь словаря с высоким уровнем знания иностранного языка, как, например, профессиональный переводчик, преподаватель, может не обращаться к той части информации, которая для него, в сущности, избыточна, а активировать в поисках информации только определенные модули по конкретным проблемам, например, лингвокультурологический модуль, библиографический и т.д. Пользователь словаря с начальным или средним уровнем знания иностранного языка, по всей вероятности, будет обращаться к модулям, которые удовлетворяют его потребности. Следовательно, пользователь словаря сам определяет состав и объем необходимой ему информации, он сам является своего рода составителем «словарной статьи».

Обобщая, можно сказать об этом словаре, что он двуязычный, сопоставительный, алфавитно-модульно-сетевой, комплексный. Это не универсальный словарь: какую бы информацию мы ни включили и сколько бы ее ни было, все равно знаний в сознании носителей языка в целом больше, чем в каком бы то ни было словаре, и это естественно. Суть идеи – комплексность информации; новый тип ее организации; рациональность в процессе оперирования ею; адекватность соотносимой информации в русском и болгарском языках в условиях комплексного подхода.

III

А теперь вернемся к тому специфическому моменту в макро-структуре представленного вначале книжного русско-болгарского словаря, в соответствии с которым корпус словаря распределен «над чертой» и «под чертой», а также к тому примеру, который обращает внимание на конкретную проблему – представление таких слов, как *булка*. Там мы видели, как в книжном словаре решаются вопросы такого рода.

А как они могут быть представлены в комплексном электронном словаре?

Слово – двусторонняя единица языка: имеет план выражения и план содержания. В сознании говорящего, рядового носителя языка, эти две стороны существуют достаточно крепко связанными, в то время как в сознании человека, занимающегося изучением иностранного языка, в процессе усвоения новой лексики они не связаны, и между ними должна быть установлена и впоследствии закреплена связь. В условиях близкого родства языков (а русский и болгарский – языки близкородственные) эта связь во многих случаях устанавливается довольно легко. Причины этому известны. Например, между русской и болгарской лексикой в результате сопоставительного анализа в процессе работы над русско-болгарским словарем-книгой было установлено, что 23% русской и болгарской лексики обнаруживает очень высокую степень сходства и в плане выражения, и в плане содержания (речь идет о словах в части «под чертой»). Иначе говоря, болгарин, изучающий русский язык, «знает» эти слова, т.е. по аналогии с родным языком, он без каких-либо объяснений, приведения соответствий, примеров и т.п. понимает их и может употреблять в речи на русском языке.

В условиях близкого родства языков, однако, есть и такие случаи, когда высокая степень сходства в плане выражения иностранного слова может подвести изучающего соответствующий язык по причине того, что не приводит к предполагаемому сходству в плане содержания. Таких случаев много, такого рода факты были предметом исследования многих работ (теоретические исследования, посвященные межъязыковым омонимам, межъязыковым паронимам или шире – межъязыковым аналогам; а также словарные материалы, напри-

мер, в области русско-болгарской [Чукалов 1960: 109–132; Панчев 1955] и болгарско-русской омонимики [Зинкевич 2001]. Я же хочу остановиться на этой проблеме в аспекте ее отражения в электронном комплексном двуязычном словаре.

Попытаюсь на конкретных примерах предложить способ презентации, который, как представляется, даст возможность пользователю словаря «увидеть»² существующие связи как в плане выражения, так и в плане содержания, что, в свою очередь, поможет ему осознать, понять и запомнить их особенности.

В семантическом модуле в результате сопоставительного анализа плана содержания русских и болгарских единиц выстраивается так называемое поле соответствий.

На предлагаемой Схеме 1 тоже видим поле, но оно получено уже не только при сопоставлении плана содержания и выведения соответствующих эквивалентов, но и при учете особенностей формы русских и болгарских единиц. Это приводит к расширению границ поля.

² На схемах, представленных в данной работе, по причине того, что они печатаются в книге, нельзя представить тот мультимедийный вариант, который осуществляется в электронном словаре, за что просим извинения у читателей, которые могут лишь представлять себе цветную, движущуюся и звучащую форму демонстрации существующих связей между русскими и болгарскими словарными единицами.

В сознании носителя болгарского языка, который изучает русский язык, при восприятии формы *булка* неминуемо активируется область, связанная с содержанием, относящимся к этой форме в болгарском языке. Словарь должен отреагировать на это, т.е. предостеречь пользователя от ошибочного вывода. В словаре-книге есть помета НЕ. Здесь же эксплицируется эта связь в плане выражения (от русской (левой) части поля, от формы *булка*, стрелка направляется к форме *булка* в болгарской (правой) части поля) и делается шаг в сторону русского соответствия сходного по форме слова болгарского языка. Таким образом получается совмещение полей, и пользователь «видит» схему фрагмента русско-болгарской ассоциативно-вербальной сети вторичной языковой личности носителя болгарского языка, изучающего русский язык³. Для расширения информации о соотношении членов данной лексической пары он может обращаться к соответствующим модулям в словаре. Например, в данном случае он может ознакомиться:

- в семантическом модуле – с выведением соответствий русского слова *булка*;

- в тематическом модуле – с группой русских слов, «со всей его семьей» [Вежбицка 2000: 9], к которой относится слово *булка* – *батон*, *буханка*, ..., а также с соответствующей группой болгарских слов – *хлебче*, *кифла*, *симид*, *самун*...;

- в модуле «сочетаемость» – с данными, например, о том, что такие сочетания, как *белый хлеб* и *черный хлеб* значительно отличаются по содержанию от очень близких по форме сочетаний в болгарском языке *бял хляб* и *черен хляб*, а в лингвострановедческом модуле будет информация об основаниях такого различия в содержании.

Таким образом, пользователь получает намного больше информации, чем это возможно в словаре-книге, при этом она скоординирована на основе существующих связей.

На Схеме 2 полученное совмещение полей несколько проще предыдущего, хотя тут свои особенности. Русскому слову *чаша* в бол-

³ См. работы Ю.Н. Караулова, посвященные проблемам ассоциативно-вербальной сети и языковой личности, также [Халеева 1989].

гарском языке нет однословного соответствия, и поэтому его содержание передается описательно.

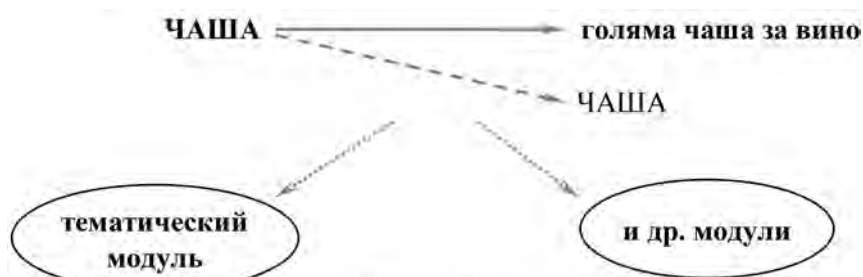

Схема 2.

Это описательное выражение содержит болгарское слово *чаша*. С другой стороны, в болгарской части поля появляется болгарское слово *чаша*, обнаруживающее связь с русским *чаша* в плане выражения. Болгарское слово *чаша* широкозначно. Таким образом, тут, кроме проблемы представления межъязыковых аналогов, встает и другой вопрос – вопрос о широкозначности. Пользователю необходимо предоставить информацию о словах в русском языке, которые могут быть соответствиями б. *чаша* в зависимости от денотата. Эта информация находится в тематическом модуле (р. *стакан* – б. *водна чаша*, *чаша за вода*; р. *бокал* – б. *винена чаша*, *чаша за вино*; р. *рюмка* – б. *конячена чаша*, *чаша за коняк*, р. *фужер* – б. *чаша за шампанско* и т.д.).

Другое поле охватывает такие русские слова, как *бас*, *пари* и *деньги* (Схема 3), а в болгарской части *бас* и *пари*. Оно осложнено внутриязыковой омонимией: б. *бас1* является соответствием р. *бас* в значении ‘голос, певец, музыкальный инструмент’, а б. *бас2*, включаемое в это совмещенное поле в силу его сходства по форме с исходным русским словом *бас*, имеет своим соответствием в русском языке слово *пари*.

На этом этапе поле не закрывается, так как на следующем шаге мы должны привести в болгарской части слово *пари* (в значении ‘деньги’), обнаруживающее связь в плане выражения с русским *пари*. Таким образом, в данном совмещенном поле наблюдаются две пары

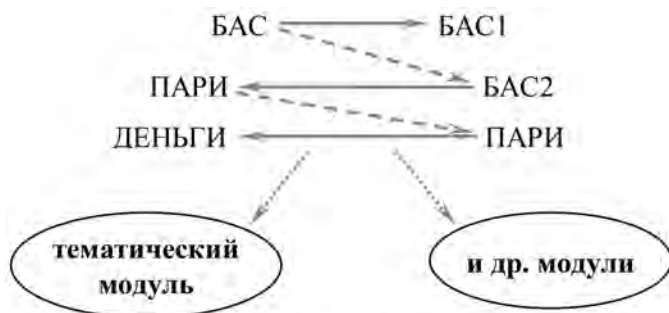

Схема 3.

межъязыковых омонимов и одна пара внутриязыковых омонимов. Для более подробного изъяснения отношений в плане содержания в каждой русско-болгарской лексической паре пользователь может обращаться за информацией как в семантический модуль, так и в ряд других модулей, а для пары р. *пари* – б. *бас2* будет информация и в паралингвистическом модуле. Пользователь, интересующийся и такого рода информацией, там найдет результаты сопоставительного анализа кинем, связанных со словами р. *пари* и б. *бас2*. Кстати, они в корне отличаются друг от друга, к тому же болгарская кинема является межъязыковым паронимом русской кинемы со значением ‘очень хорошо, отлично’ («на большой палец»).

Представленное ниже поле (см. Схему 4) сравнительно маленькое, но вряд ли можно утверждать, что оно простое. Русскому слову *дача* во всех русско-болгарских словарях приводится соответствие *вила*. Делая шаг от болгарского к русскому слову, в русской части по-

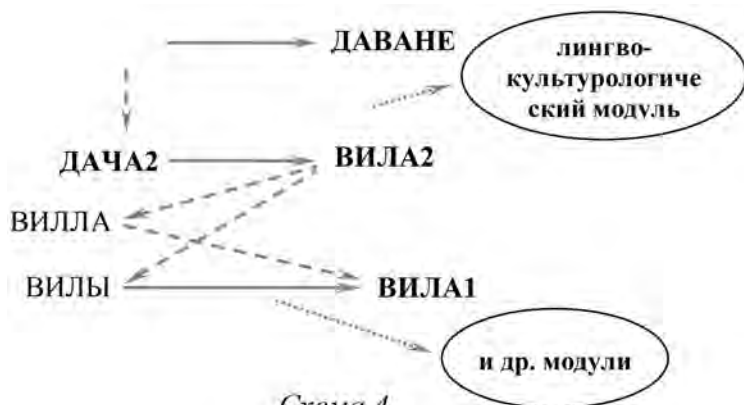

Схема 4.

лучим, с одной стороны, еще одно русское слово в качестве соответствия – *вилла* и формально схожее с болгарским словом *вила* – р. *вилы* ('сельскохозяйственное орудие труда'). В этом поле наблюдаются и внутриязыковые омонимы: в его русской части – *дача1* и *дача2*, а в болгарской – *вила1* и *вила2*. Особенностью в данном случае является тот факт, что содержательная структура б. *вила2* покрывает лишь небольшую часть очень богатой содержательной структуры р. *дача2*. Русское слово *дача2* – одно из тех слов, которые заслуживают очень большого внимания лексикографов в русско-иноязычных словарях⁴. В содержательном плане для носителей русского языка *дача2* еще обнаруживает связь с *дача1*, тогда как для инофона это вряд ли возможно (ср. *дача1* отгл. сущ. от *дать* / *дача2*, первонач. «дарованная князем земля» // Праслав. *datia; см. *дать*... [Фасмер 1986]). По этой причине представляется, что присутствие в совмещенном поле этих двух внутриязыковых омонимов имеет существенное значение для осмысления и усвоения их инофоном. В содержательном плане, как было уже отмечено, б. *вила2* имеет связь и с р. *дача2* и с р. *вилла*, но и то, и другое русское слово значительно шире по своей семантике, чем болгарское, они обладают «большим культурным значением» [Вежбицка 2000: 25]. Это обстоятельство обязывает лексикографа электронного комплексного словаря привести необходимую информацию для восполнения пробелов, существующих в русско-болгарских и болгарско-русских словарях-книгах по отношению к паре р. *дача2* – б. *вила2* и паре б. *вила* – р. *вилла*. Эти слова являются типичным примером квазиэквивалентов. Да, они могут представлять и представляют друг друга в соответствующих переводных текстах с русского на болгарский и с болгарского на русский, притом без ущерба, например: р. *В выходные поедем с друзьями на дачу.* – б. *През почивните дни ще ходим с приятели на вилата.* Но выражения типа р. *государственная дача, снять дачу на лето* или *Детский сад выехал на дачу* носитель болгарского языка воспримет с удивлением и непониманием.

⁴ См. [Верещагин, Костомаров 1976; 1980]; [Вежбицка 2000: 6–34]; [Шмелев 2002].

В двуязычных словарях классического образца очень трудно привести необходимую информацию о такого рода лексических парах. Выход видится в презентации наблюдаемых различий между этими единицами в семантическом модуле и комментариях к нему, в прагматическом, в модуле сочетаемости, в ассоциативном модуле и т.д.; необходимо включить в словарь и существующие энциклопедические сведения, связанные с «жизнью» этих слов.

На схеме 5 представлено поле, исходным пунктом в котором является русское слово *грач* / *грачи*. Его содержательным соответствием в болгарском языке является слово *полска* / *посевна врана*.

Схема 5.

Терминологическое значение этого слова болгарин воспринимает как любое другое значение такого типа, но наряду с этим значением в сознании болгар активизируется ассоциация «*врана* – птица-вредитель». Таким образом, если в представлении этого слова в русско-болгарском словаре не будет указания на факт, что в русском языке грачи являются символом наступающей весны, то для болгарина останется непонятной положительная эмоция, связанная с прилетом грачей, например. Есть и еще одно обстоятельство, которое обязывает лексикографа представить слово *грачи* как можно подробнее: в болгарском языке есть омонимичная форма *грачи*, которая означает ‘каркать’ и представлена в прецедентном тексте, очень хорошо известном всем болгарам, а именно: «Гарванът *грачи*, грозно, злоещо...» (автор Хр. Ботев – болгарский поэт 19 в.). Это строчка стихотворения, посвященного зловещей казни национального болгарского героя Васила Левского. Как видим, в данном случае форма может довольно серьезно подвести болгарина, изучающего русский язык.

В заключение можно сказать, что при сопоставительном анализе лексики любой пары языков такого типа отношения, порождающие сложные совмещенные поля, не редкость. По нашим предварительным данным, в паре *русский – болгарский* можно построить на исследуемом материале свыше 1 000 таких полей. Они должны быть представлены необходимым для адекватного восприятия образом в таком типе двуязычного словаря, который, отвечая на запросы пользователей, дает возможность в доступной форме получить максимум информации. Таким словарем представляется электронный комплексный русско-болгарский словарь.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995   Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Апресян 2004   Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Москва–Вена: Языки славянской культуры – Wiener slavistische almanach, 2004. 1417 с.
- Вежбицка 2000   Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2000. № 2 (4). С. 6–36.
- Верещагин,
Костомаров 1976   Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1976. 248 с.
- Верещагин,
Костомаров 1980   Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. Москва: Русский язык, 1980. 320 с.
- Влахов 1990   Влахов С. К идее создания комплексного учебного русско-болгарского словаря // Болгарская русистика. 1990. № 4. С. 9–12.
- Влахов 2004   Влахов С. Нов руско-български речник (под ред. на Анна Липовска). София: Парадигма, 2004. 904 с.
- Зинкевич 2001   Зинкевич А.В. Дифференциальный словарь – непохожее в похожем // II Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора

- Г.И. Сафронова. Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 2000 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 101–103.
- Караулов 1981 Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. Москва: Наука, 1981. 367 с.
- Мельчук, Жолковский 1984 Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена: Венский славистический альманах, 1984. 992 с.
- Панчев 1955 Панчев К. Дифференциален фразеологичен руско-български речник. София: Наука и изкуство, 1955. 151 с.
- СОРБЛ 1984 Сопоставительное описание русской и болгарской лексики (материалы по формальному аспекту). София: Институт русского языка и литературы, 1984. 168 с.
- СОРБЛ 1985 Сопоставительное описание русской и болгарской лексики (материалы по содержательному аспекту). София: Институт русского языка и литературы, 1985. 197 с.
- Сятковский 1976 Сятковский С.С. Основные принципы сопоставительного анализа языков // Русский язык за рубежом. 1976. № 4. С. 69–73; № 5. С. 70–73.
- Фасмер 1986 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. Москва: Прогресс, 1986–1987. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 672 с.; Т. 3. 832 с.; Т. 4. 864 с.
- Халеева 1989 Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). Москва: Высшая школа, 1989. 236 с.
- Червенкова 1995 Червенкова И., Бозова С., Йотова Л., Ковачева Н., Котева З., Липовска А., Манова И., Павлова Л. Лингвометодическое описание русской лексики и грамматики в свете болгарского языка (съст. И. Червенкова, Т. Дорофеева). София: УИ „Св. Климент Охридски“, 1995. 142 с.
- Червенкова 2011 Червенкова И. Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики. София: Херон прес, 2011. 243 с.

- Чукалов 1960 Чукалов С. Руско-българска омонимика // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски. София, 1960. С. 109–132.
- Шмелев 2002 Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Щерба 1958 Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Ленинград: изд. Ленинградского университета, 1958. С. 54–91.